

Эвенкия в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Эвенкийская жизнь»)

А.А. Дюпин^а, В.А. Кудашкин^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а gohnaydeli@yandex.ru, ^б Slava1982_@rambler.ru

Статья поступила 27.02.2020, принята 23.03.2020

В статье рассматривается социально-экономическое и культурное положение Эвенкии в годы Великой Отечественной войны. На основе материалов газеты «Эвенкийская жизнь» приводятся данные о численности призыва на фронт и потерях среди жителей района. Рассказывается о трудовых буднях оставшихся в тылу и их вкладе в борьбу с фашистской угрозой. Подробно рассматривается работа образовательных и культурных учреждений в военное время. Особое внимание уделяется положению спецпереселенцев и их вкладу в развитие района.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; коренные малочисленные народы; спецпереселенцы; Север; Сибирь.

Evenkia during the Great Patriotic War (based on the newspaper “The Evenki Life”)

A.A. Dyupin^a, V.A. Kudashkin^b

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^a gohnaydeli@yandex.ru, ^b Slava1982_@rambler.ru

Received 27.02.2020, accepted 23.03.2020

This article discusses the socio-economic and cultural condition of Evenkia during the Great Patriotic War. Based on the materials of the newspaper “The Evenki Life”, the data are provided on the number of conscripts to the front and losses among residents of the district. It tells about the working days left behind and their contribution to the fight against the fascist threat. The work of educational and cultural institutions in wartime is examined in detail. Particular attention is paid to the situation of special settlers and their contribution to the development of the region.

Keywords: Second World War; indigenous peoples; special settlers; North; Siberia.

С началом Великой Отечественной войны Эвенкия, как и другие районы Красноярского края, вносила свой вклад в борьбу с фашистской угрозой. Согласно данным официального сайта Эвенкийского муниципального района (ссылающегося на архивные материалы), за весь период войны на фронт было призвано 1 842 чел., из них не менее 400 принадлежали к представителям коренных народов (эвенков и якутов). Общее число потерь составило 380 чел., из которых погибших – 224, пропавших без вести – 85 [1]. Эти данные дополняются газетными материалами от 14 июля 2005 г., в которых, ссылаясь на документы окружного военкома, приводятся следующие цифры потерь: 224 чел. убиты, 70 умерли от ран и болезней, 84 пропали без вести. При этом добавляется, что большая часть потерь пришлась на 1942–1943 гг. [2].

В другом номере, от 5 мая 2005 г., приводится

статистика призыва за 1942–1945 гг. Так, в 1942 г. из Эвенкийского национального округа было призвано 1 010 чел., в 1943 г. – 150, в 1944 г. – 136. Весной 1945 г. был подготовлен новый призыв, однако он был задержан и на войну не попал. Всего число погибших за весь период войны составило не более 400 чел. [3].

Кроме общего числа призванных по Эвенкийскому району, ряд статей дает нам отрывочную информацию по количеству призывников из разных поселков и факторий. Так, к середине июля 1941 г., в Байкитском районе было подано 67 заявлений от добровольцев, желавших отправиться на фронт. Среди них 6 женщин [3]. В 1942 г. к ним присоединилось еще 17 добровольцев [2]. За весь период войны фактория Оскоба предоставила фронту более 40 бойцов [4], фактория Куюмба и пос. Тутончаны – по 32 чел. [5; 6]. От Ессея и

Эконды на фронт было отправлено 8 чел. Большинство из них погибли, домой вернулись только два эссеица и три экондинца [2; 7].

Среди добровольцев и призывников было немало комсомольцев. Так, комсомольская организация Тунгусско-Чунского района за весь период войны предоставила фронту 109 чел. [8], из них погиб и пропал без вести 31 чел. [9].

Были и другие организации, отправлявшие на фронт своих людей. Среди них газета «Эвенкийская новая жизнь», которая, несмотря на малый штат сотрудников, предоставила фронту более десятка бойцов, в числе которых были редактор Язев, секретарь Подлипский, художник Мешков, поэт Мичурин и др. Не все из них пережили войну [10].

В статье «Поколение героев» отмечается, что для большинства жителей Эвенкии военная служба была новым и непривычным делом. С целью их ускоренной подготовки в районе были организованы курсы медсестер и изучения военного дела. Призывники оканчивали курсы снайперов и автоматчиков, уходили служить в морской флот и авиацию. В сентябре 1942 г. из Тунгусско-Чунского и Байкитского районов в воздушно-десантные войска были призваны 16 чел., из которых 10 были эвенками и 6 русскими [3].

Помимо отсутствия военного опыта, представители коренных народов, впервые покинувшие свой дом, столкнулись с тяжестью адаптации к новому окружению. По воспоминаниям Федора Доллюбчина, в Красноярске он впервые увидел большое скопление людей и машин, высокие каменные здания, поезда и самолеты. Сложности добавляло и плохое знание русского языка. Схожую ситуацию описывает и житель Байкита Александр Дорофеев. Однако сослуживцы с пониманием относились к их проблемам и помогали адаптироваться к новым условиям [3]. С другой стороны, Самуил Денисенко, вообще не знавший русского языка, вспоминал, что на военных курсах с ним постоянно происходили «разные несуразности», и ему частенько «перепало битые палкой». Но, несмотря на это, Самуил знал, за что он воюет, и стоически преодолевал все трудности [11].

Действительно, вопреки всем преградам, жители Эвенкии храбро сражались за свою родину, о чем свидетельствуют их боевые награды и воспоминания ветеранов. Согласно газетным материалам, за время войны боевые награды и медали получили не менее 270 чел., а Иннокентий Петрович Увачан стал первым и единственным эвенком, удостоившимся звания Героя Советского Союза [9; 12].

Родился И.П. Увачан в 1919 г. в д. Ноканно Катангского района Иркутской области. Там же окончил 4 класса начальной школы, прежде чем вместе с родителями перебрался на фабрику Усть-Илимпея Эвенкийского национального

округа. До войны работал секретарем Кислоканского сельского совета. В 1941 г. был утвержден инструктором Эвенкийского окружного совета депутатов. Будучи в командировке в Байките, без разрешения руководства ушел добровольцем в ряды Красной Армии. На фронте служил в роте 276-го гвардейского стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Его боевой путь охватывает Сталинградский фронт (с октября 1942 г. по февраль 1943 г.), Степной фронт (с апреля 1943 г.) и 2-й Украинский. 22 февраля 1944 г. за проявленный героизм при форсировании р. Днепр и развитии боевых действий на его правом берегу И.П. Увачану было присвоено звание Героя Советского Союза [13; 14].

Помимо И.П. Увачана были и другие жители Эвенкии, отличившиеся в бою. Среди них можно назвать Анисима Аксентьевича Сидоркина. До войны он жил в д. Колчум Енисейского района Красноярского края. На фронт был призван 20 февраля 1943 г. в 17-летнем возрасте. Как охотника А.А. Сидоркина обучили на автоматчика, а потом включили в состав 41-й стрелковой дивизии 244-го стрелкового полка 1-го Белорусского фронта. Молодой солдат принял участие в Курско-Орловском сражении, с боями прошел Орловскую и Черниговскую области, Брянщину, освобождал Украину. В болотах Белоруссии обморозил ноги, а под Гомелем был ранен. Но это не помешало ему после трехмесячного лечения в госпитале вновь вернуться в строй. Его боевой путь пролегал через всю Европу: он освобождал Белгород, Варшаву, штурмовал Берлин. Форсировал множество рек — Днепр, Вислу, Одер. В ходе переправы через Одер был контужен. 5 мая 1945 г. А.А. Сидоркин со своими однополчанами штурмовал Берлин и дошел до самого рейхстага. В этом городе он оставался в составе особого резерва до 1949 г., после чего был демобилизован и вернулся домой, где занялся охотничьим промыслом. За участие в войне А.А. Сидоркин получил 19 наград (включая юбилейные медали). Среди них орден Великой Отечественной войны I степени, ордена Славы II и III степени, две медали «За отвагу», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» [13; 15].

Как известно, немаловажную роль в подготовке советских солдат играли политруки. В их число входил и эвенк Семен Николаевич Комбагир, участвовавший в обороне Ленинграда. За время службы С.Н. Комбагир был политруком роты 13-й стрелковой дивизии, военкомом артиллерийской батареи, военным секретарем комитета ВЛКСМ 466-го стрелкового полка 125-й стрелковой дивизии и старшим инструктором политотдела 98-й стрелковой дивизии. В ходе войны был ранен шесть раз. Участвовал в освобождении Ленингра-

да, Нарвы, Выборга, Пскова, Тарту, Митава, Шауляя. Был награжден орденом Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. После войны работал лектором эвенкийского окружкома КПСС, часто общался с молодежью и, по словам земляков, был весьма мудрым человеком [13; 14].

Среди солдат-эвенкийцев были и женщины. Так, М.М. Макеева была радисткой и воевала под Сталинградом. А.Р. Борисова в 1944 г. прошла обучение в Подольской школе снайперов и сражалась на 2-м Прибалтийском фронте, в курляндских болотах, где чудом осталась жива. Т.П. Стурова, впоследствии заслуженный учитель РСФСР, была зенитчицей, сумела дойти до Берлина и расписалась на стенах рейхстага [16].

Во второй половине 1920-х – 1930-е гг. в Эвенкии открываются первые образовательные учреждения, где обучались представители коренных народов. Одним из таких учреждений была Ванаварская средняя школа. В 1941 г. в ней должен был состояться первый выпуск десятиклассников, но из-за нехватки учащихся этого не произошло, все девятиклассники ушли на фронт. Среди них были Григорий Панов, Василий Савватеев, Валентин Трунин (погиб) и Василий Власов.

Григорий Панов был призван в армию в 1941 г. Боевое крещение получил в начале 1942 г. под Калугой, будучи лейтенантом связи. Его боевой путь проходил через Тулу, Смоленск, Витебск, Псков. В бою под Псковом был ранен в ногу, в результате чего ему ампутировали ступню. Был демобилизован, после чего вернулся в Ванавару, где освоил профессию бухгалтера и долгое время трудился в Ванаварской районной больнице. За участие в войне был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За отвагу».

Василий Савватеев ушел на войну в 1942 г. Был направлен в пехотное училище, откуда через полгода в звании сержанта попал под Сталинград. Освобождал Днепропетровск, Одессу, Севастополь, воевал в Латвии. Здесь получил осколочное ранение в обе ноги. Только в 1945 г. ему удалось вернуться домой. Окончил курсы бухгалтеров и успешно трудился до самого ухода на пенсию в Тунгусско-Чунском кооппромпхозе и рыбокоопе. В 1943 г. был награжден медалью «За отвагу».

Василий Власов ушел на фронт в августе 1942 г. Воевал на 2-м Украинском фронте в дивизионной разведке. Его боевой путь охватил Тихоокеанский флот, Орел, Курск, Днепр, Румынию. Награжден орденом Красной Звезды, боевыми медалями и знаком «Отличник разведки». После войны окончил педагогический институт, был учителем и заместителем директора Ванаварской средней школы, затем директором начальной санаторно-лесной школы в Чемдальске. Является автором

гимна Эвенкии и книги «Мургу, бэ».

Одновременно с учениками Ванаварской школы на войну ушли их учителя Александр Деньгин, Георгий Пospelов, Александр Сухов, Александр Панов, Николай Рудаков, Войняк, Владимир Усман, а также директор школы Иван Назарович Вахрушин. Все, кроме В. Усмана, погибли, что стало большой потерей как для Эвенкии в целом, так и для Ванавары в частности [17; 18].

Однако от войны пострадала не только образовательная, но и медицинская сфера. На фронт были мобилизованы десятки врачей и средний медперсонал, что усугубило проблему нехватки медицинских кадров в районе. С целью решения данной проблемы 1 сентября 1943 г. в пос. Тура открывается фельдшерско-акушерская школа [19].

Во время войны многие мужчины-эвенки, оставшиеся в тылу по брони, продолжали добывать для фронта пушнину. Так, охотники Эконды, среди которых были К.А. Потэ, П.А. Удыгир, Н.Л. Эмидак, И.Н. Елдогир и др., добывали по 150–200 белок каждый и сдавали их в фонд обороны. Усердно работали и охотники-якуты из Есеев: Д.А. Ботулу, П.Х. Осогосток, Х.С. Маймага. Жители Эконды также собирали теплую одежду для фронта: шапки, олени чулки, бокари и парки. В Есеее работал рыбзавод, ставший основным поставщиком рыбы в округе, причем в военные годы его производительность возросла в 10 раз [20; 21].

Неоценимый вклад в приближение победы внесли и женщины Эвенкии, по факту заменившие мужчин во всех сферах деятельности. Они стали охотницами, рыбачками, оленеводами, занимались перевозкой грузов, почты и пассажиров.

Среди лучших охотниц военных лет, из года в год перевыполнявших трудовые нормы, называют Анну Самсоновну Чапогирскую, Марию Ивановну Торпушенок, Аксицию и Марию Каянович, а также Анну Степановну Бухареву [22]. Немало охотниц отличилось и в Тунгусско-Чунском районе. Имена Варвары Анкоуль и Елены Васильевны Веретновой были занесены на Доску почета. В 1943 г. к пушному промыслу присоединилась тринадцатилетняя Аня Чапогир из с. Кислокан. В военные годы добывать пушнину начала и Федосья Михайловна Гаянчук из с. Стрелка-Чуня. В Байкитском районе прославились охотницы Марфа Легамо и Лидия Петровна Савватеева [16].

Крайне тяжелым трудом лямщиков также занимались женщины. Среди лямщиц военных лет можно назвать Марию Ивановну Кутор, Дарью Васильевну Матвееву, Христину Кость и Анфису Стахеевну Серебрякову [22]. В выполнении плана рыбодобычи также приняли участие комсомольцы окружного центра. Перед ними в 1944 г. была поставлена задача выловить тонну рыбы, с чем они успешно справились. Особенно отличились

комсомолки Анна Сычегир и Дуся Пинигина [16].

Нелегко был и труд ямщиков, которыми часто становились женщины. В их задачу входила доставка на фактории и в трудовые бригады газет, фронтовых писем и товаров первой необходимости. Они рассказывали населению о положении на фронте и объясняли, какую помощь от них ожидает страна. Обратное в Туру ямщики везли продукты и теплую одежду для фронта. В их число входили две подруги — Анна Евсеевна Сочигир-Севостьянова и Саша Белоногова [23].

В статье «Женская доля» говорится, что в военные годы производственные темпы в Эвенкии не только не падали, но и постоянно росли. В качестве примера приводится Тунгусско-Чунский район, в котором каждый год увеличивались посевные площади. Если в 1941 г. они составляли всего 34 га, то уже в 1942 г. — 62, в 1943 г. — 76, в 1944 г. — 115, в 1945 г. — 150 га. Также за время войны в районе увеличилось число животноводческих ферм с 5 в 1941 г., где содержалось 118 голов, до 8 в 1945 г. (274 головы). Выросло и количество лошадей с 27 до 44. Активно развивалось оленеводство: 2 020 голов в 1941 г. против 3 198 голов в 1945 г.

Подчеркивается, что все это стало возможным благодаря усердному труду женщин и подростков. Причем матери с маленькими детьми также работали наравне с остальными, их зачисляли в бригады недалеко от дома, чтобы была возможность покормить детей.

Помимо вышеназванных профессий, женщины занимались и другой работой. Так Анастасия Филипповна Воронова при наличии грудного сына выполняла совершенно не женскую работу молотобойца (помощника кузнеца). Во время ремонта жаток и косилок ей приходилось рубить в железе отверстия, что считалось нелегкой работой даже для мужчин [24].

В военные годы сохранялась важная роль радиостов, обеспечивавших связь с Красноярском и поселениями района. Их работа осложнялась малой мощностью передатчиков (всего 500 ватт), а также трудными метеоусловиями. Нередко радисты в селениях были и начальниками отделений связи, одновременно занимались как почтовыми операциями, так и сеансами радиосвязи [25].

По воспоминаниям Нины Георгиевны Старковой, в военные годы на факториях работали опытные специалисты, которые не были призваны на фронт по состоянию здоровья. В Сталино (ныне Ошарово) радистом был Александр Кожемякин, в Кумонде — Павел Блиц, в Полигусе — Константин Ловцов, в Усть-Камо — Афанасий Рукосуев, в Кузьмовке работал Буланкин, а в ныне исчезнувших факториях Тычаны и Чунка — Ольга Коновалова и Зоя Овсюкова. Н.Г. Старкова окончила училище связи в 1943 г. и была направлена в Байкит в

качестве радиотехника. Также связь с «большой землей» обеспечивали Ольга Михайловна Новикова и Валентина Николаевна Черкашина. Об О.М. Новиковой известно, что она работала на факториях с первых дней войны, причем ее посылали на особо сложные участки, где она успешно выполняла возложенные на нее задачи [26].

Отдавая должное жителям района, нельзя не упомянуть об особом контингенте населения, появившемся в годы войны и внесшим свой вклад в развитие Эвенкии. Речь идет о спецпереселенцах. Согласно плану их расселения по кочевым советам и факториям Илимпейского района за 1942 г., количество ссыльных на территории района должно было составить 800 семей, расселенных по 21 кочевому совету. План по Красноярскому краю на 1943–1944 гг. предусматривал завоз в Эвенкийский национальный округ 500 семей, из них 350 в 1943 г. и 150 в 1944 г. Общее же число ссыльных по Эвенкии согласно данным окружной плановой комиссии составило: в 1942 г. — 1 352 чел., в 1944 г. — 1 232, в 1945 г. — 1 220, а в послевоенном 1946 г. — 1 011 чел. [27].

Национальный состав спецпереселенцев был разнородным. По воспоминаниям Веры Ивановны Барановой (Чеховской), жившей в то время в д. Кучердаевка Иланского района, в поселок завозили семьи немцев, поляков, латышей и литовцев [28]. По данным Эвенкийского окружного статистического управления, в поселке Тура в 1943 г. проживало 227 ссыльных, из них 116 немцев, 15 русских, 17 латышей, 11 евреев, 15 финнов и 3 поляка [27].

Перед заселением переселенцы обязаны были пройти через бани, вошебойки и медосмотр (болеющих помещали в изолированные палаты в больничных стационарах). Неизвестно, распространялись ли данные процедуры на всех поселенцев или только на тех, кого отправляли в поселения. По воспоминаниям Милии Яковлевны Якобсон, ее вместе с семьей и частью ссыльных высадили с баржи на пустой берег Тунгуски, приказав обустроиваться, при этом не снабдив ни инструментами, ни предметами первой необходимости. В результате такого отношения многие спецпереселенцы погибли на том же берегу [27].

По словам очевидцев, семьи переселенцев жили крайне бедно. Те немногие, у кого были ценные вещи, выменивали их у местных жителей на еду [28]. Другие искали остатки урожая на уже убранных огородах или собирали крохи в студенческой столовой [29].

Поначалу местные были напуганы появлением чужаков (особенно немцев), однако вскоре они увидели их мирных нрав и бедственное положение, вследствие чего многие жители стали оказывать им поддержку и помощь. М.Я. Якобсон вспоминает, что эвенки были очень добры к поселенцам. Если слу-

чалось забрести в их чум, то угощали копченой рыбой, оленьим молоком и лепешками [27; 30].

Спецпереселенцы жили под жестким контролем органов НКВД [27; 28]. Им необходимо было отмечаться дважды в месяц у коменданта, запрещалось устраивать собрания (под угрозой отправки в лагерь), а также отсутствовал выбор места и вида работы. В результате ограничений и общей нищеты находились отдельные ссыльные, сбегавшие с места вынужденного поселения. Наиболее известными из них являются братья Гребы, неоднократно совершавшие побеги в поисках более благополучных мест [31].

Что же касается работы, то спецпереселенцев использовали в первую очередь в сельскохозяйственной и легкой промышленности (увеличение посадок картофеля и овощей, добыча соли, рыбы, изготовление столярных изделий, производство пиломатериалов, кирпича и т. п.). Такой выбор был обусловлен низкой динамикой развития местного производства и нехваткой рабочих рук. Этот же выбор способствовал расселению ссыльных в Байкитском и Илимпейском районах, а также на Нижнетунгусском и Ессейском рыбзаводах.

Проблема состояла в том, что большинство спецпереселенцев происходили из интеллигентской среды, и для многих из них было проблемой разжечь костер в тайге, не говоря уже о вырубке леса, ловле рыбы или добыче соли. Помимо отсутствия опыта, их положение ухудшалось и жесткое требование администрации к выполнению норм и планов. Если ссыльный успешно выполнял производственную норму, он получал 600 г хлеба, немного крупы и масла. Но если ему это не удавалось, то его паек уменьшался вдвое. Кроме того, паек выдавался только работающему населению, для детей же пайки не предусматривались. Стоит отметить, что эвенки не оставили поселенцев в беде, научив их ловить рыбу, добывать соль и т. п. [27].

Власть строго отслеживала использование спецпереселенцев в качестве рабочей силы. Но бывали и редкие исключения из установленных правил. Так Илимпейский райсовет 5 августа 1942 г. издал постановление об использовании, в случае необходимости, младшего и среднего медперсонала из числа ссыльных. Данное решение было продиктовано распространением среди населения факторий эпидемических заболеваний и нехваткой медицинских кадров.

Несмотря на жесткий контроль со стороны органов власти, поселенцам удавалось находить возможность объединяться в группы и даже организовать редакционную коллегию стенной газеты на фактории Виви. Помимо этого, многие из них стремились внести свой вклад в борьбу с фашистской угрозой, в том числе сдавая вещи в фонд обороны. Так М.Я. Якобсон из найденных в тайге

старых унтов (меховой обуви) сшила для солдат кошельки для махорки [27].

И все же, тяжелый труд, голод, отсутствие теплых вещей и жизнь в продуваемых землянках существенно подрывали здоровье ссыльных, каждый год унося десятки жизней. По официальным данным, за период с 1942 по 1945 г. в п. Тура, на факториях Кислокан, Тутончаны, Учами и Чиринда умерло не менее 74 чел. из числа переселенцев. О том, сколько погибло людей по пути в Эвенкию, умерло, оставшись на берегах Тунгуски или на работе в рыбзаводах, в тайге, на промыслах, узнать не представляется возможным. Высока была смертность и среди детей ссыльных, страдавших от токсической диспепсии [32; 27].

Статус спецпереселенца сохранялся и после войны. Лишь в 1958 г., после издания указа «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев», ссыльные получили возможность вернуться домой. При этом часть из них решила остаться в Эвенкии, так как за прошедшее время многие обжились на новых местах, а другим просто некуда было возвращаться.

Несмотря на тяжесть войны, в Эвенкии продолжали работать практически все довоенные организации, в том числе образовательные и культурно-просветительные учреждения («красные чумы», библиотеки, клубы) [24].

С прибытием спецпереселенцев многие школы стали многонациональными. Так, в Кочудемской школе-интернате с 1942 г., помимо эвенков и русских, стали учиться латыши, немцы и финны [33]. С увеличением числа детей на факториях Нидым и Виви были открыты новые школы. Впрочем, далеко не все семьи с других факторий могли отправлять туда своих детей. Так, семьи ссыльных с фактории Учами не имели возможность отправить детей на факторию Виви из-за отсутствия теплой одежды и обуви [27].

Сами уроки проходили при свете керосиновой лампы или свечи, в слабо отапливаемых помещениях. Учебников и бумаги не хватало, наглядность также практически отсутствовала, но, несмотря на это, учителя стремились преподавать свой предмет интересно и познавательно, а дети желали учиться [34]. Из-за нехватки учителей некоторым переселенцам было разрешено работать в школах. В Туринской средней школе преподавали Мария Кондратьевна Шпади, Ольга Андреевна Маркодеева, Готлиб Яковлевич Гоппе [35]. Они стали для многих учеников первыми учителями немецкого языка, географии и математики [30].

По инициативе женщин для детей были организованы фотостудия, кружки вязания и шитья. Создавались учебно-производственные бригады. Под руководством учительницы Христины Николаевны Залавской был организован кружок нату-

ралистов, собиравший коллекции насекомых и рыб, а также занимавшийся выращиванием овощей, в том числе для показа на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Были и другие кружки, например, юннатов, где занимались 14 учеников Куюмбинской школы [36].

В свободное время в Туринской школе ученики устраивали концерты художественной самодеятельности. Также порой перед ними выступали демобилизованные солдаты [35]. Одно время Туринская школа была на военном положении. Классы реорганизовали в лыжные отделения и взводы, подчиняющиеся назначенным командирам. Преподával военное дело военрук Николай Сидоренко. На уроках изучали автомат ППШ, разбирали и собирали трехлинейку Мосина, учились приемам штыкового боя (для чего на школьной площадке соорудили специальные приспособления) [35].

Помимо школьных мероприятий, в Туре организовывались тимуровские команды, помогавшие семьям фронтовиков и старым людям, а также принимавшие участие в воскресниках и в сборе посылок для детей Атамановского детдома [34].

Работал в военные годы и пионерлагерь, располагавшийся близ Нижней Тунгуски. В 1941 г. в нем отдыхали 52 ученика. В лагере жизнь была построена на основе самоуправления, и дети сами устраивали свой быт: расчищали площадь под зарядку, готовили волейбольную площадку и беговую дорожку. Под присмотром старшего пионервожатого Михалева купались в озере. Проводили время за рисованием, пением, танцами и рыбалкой, посещали политзанятия. Алеша Хирогири, Ганя Хукочар и Ваня Оегир рассказывали ребятам, как отважно сражаются их отцы на фронте [36].

В военные и послевоенные годы в Туре работал поселковый клуб на набережной, ставший местом собраний, докладов, концертов и танцевальных вечеров. Своему расцвету клуб обязан двум спецпереселенцам — немцу Оскару Гопшу, являвшемуся талантливым баянистом, и армянину Ашоту Хачатряну, ставшему директором клуба и организатором школьного духового оркестра [30].

С началом Великой Отечественной войны культурно-просветительные учреждения усилили

массово-политическую работу среди населения. В избах-читальнях была развернута работа оборонных кружков, а в «красных чумах» ежедневно вывешивались сообщения Совинформбюро, выпускались боевые листки и стенные газеты, а также сообщалось о выполнении планов в колхозах и на рыбоучастках [37].

Работники «красных чумов» регулярно выезжали на заводы и в оленеводческие бригады, где проводили беседы, устраивали книжные выставки и вечера чтения газет, книг, журналов. Беседы и чтения проходили на русском и эвенкийском языках. Главной задачей «красных чумов» была пропаганда книги среди представителей коренных народов и оказание помощи в ликвидации безграмотности среди местного населения [38]. Помимо этого работники культуры рассказывали о положении на фронте, организовывали сбор средств и теплых вещей в фонд обороны и наравне с другими занимались пушным промыслом и рыбодобычей. В годы войны наиболее активными работниками культуры были Н.Р. Волкова, Е.Х. Чарду, Н.И. Агеев, С.П. Белявский, А.Л. Янович [37].

Таким образом, Эвенкия, несмотря на малочисленность населения, наравне с другими районами Красноярского края внесла свой вклад в победу над фашизмом. Жители района храбро сражались на фронте и усердно трудились в тылу. В годы войны в Эвенкию насильно переселили представителей многих народов, ставших дешевой рабочей силой и способствующими заселению и развитию района. По воспоминания очевидцев, большинство эвенков доброжелательно относились к спецпереселенцам, оказывая им посильную помощь. Сами же спецпереселенцы внесли заметный вклад в формирование национальных кадров Эвенкии, став учителями и врачами, а также способствуя культурному развитию района. Несмотря на все тяжести войны, культурно-просветительские организации продолжали реализовывать советскую практику ликвидации безграмотности среди коренных малочисленных народов и способствовать формированию в их среде национальной интеллигенции.

Литература

- Северяне в годы ВОВ / Официальный сайт органов МСУ Эвенкийского муниципального района [Электронный ресурс] // <http://www.evenkya.ru/news/sevvgovov.html> (дата обращения: 17.01.2020)
- Похороны шли до 1952 года // Эвенкийская жизнь. 2005. 14 июля.
- Поколение героев // Эвенкийская жизнь. 2005. 5 мая.
- Оскобе - 110 лет! // Эвенкийская жизнь. 2011. 7 июля.
- Куюмба: живем надеждами // Эвенкийская жизнь. 2011, 20 окт.
- Проблемы и достижения тутончанцев // Эвенкийская жизнь. 2011. 20 окт.
- Вернулись только трое... // Эвенкийская жизнь. 2005. 19 мая.
- До свидания, мальчики... // Эвенкийская жизнь. 2005. 20 янв.
- Лучшие всегда первые! // Эвенкийская жизнь. 2009. 7 мая.
- Вчера, сегодня, завтра... // Эвенкийская жизнь. 2003. 9 окт.
- Братья-фронтовики с заводов Сталино // Эвенкийская жизнь. 2012. 2 марта.

12. Будем помнить всегда // Эвенкийская жизнь. 2008. 19 июня.
13. Красноярск / Бессмертный полк [Электронный ресурс] // URL. <https://www.moypolk.ru/krasnoyarsk> (дата обращения: 28.01.2020).
14. О ратных подвигах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Великой Отечественной войне // Эвенкийская жизнь. 2011. 25 авг.
15. Из боя в бой // Эвенкийская жизнь. 2010. 6 мая. № 17.
16. Хранительницы очага // Эвенкийская жизнь. 2009. 12 марта.
17. Ванаварцы их помнят // Эвенкийская жизнь. 2010. 28 окт.
18. Была война... // Эвенкийская жизнь. 2003. 5 июня.
19. Первые студенты // Эвенкийская жизнь. 2008. 23 окт.
20. Как Елдогир сказал, так и сделали // Эвенкийская жизнь. 2005. 27 окт.
21. Эссе // Эвенкийская жизнь. 2003. 6 марта.
22. Хроника памятных событий // Эвенкийская жизнь. 2007. 21 июня.
23. Однажды на Севере // Эвенкийская жизнь. 2004. 19 февр.
24. Женская доля // Эвенкийская жизнь. 2010. 25 февр.
25. Радисты Севера // Эвенкийская жизнь. 2005. 8 дек.
26. О байкитянах с теплотой и уважением // Эвенкийская жизнь. 2012/ 10 авг.
27. Без суда, без статьи нас выслали... // Эвенкийская жизнь. 2012. 8 июня.
28. Война отняла детство // Эвенкийская жизнь. 2007. 3 мая.
29. Дженкоуль // Эвенкийская жизнь. 2012. 17 авг.
30. Спецпереселенцы // Эвенкийская жизнь. 2002. 11 дек.
31. Судьба Александра Гребя // Эвенкийская жизнь. 2006. 4 мая.
32. Рыба для фронта // Эвенкийская жизнь. 2003. 22 мая.
33. Дядя Алепа // Эвенкийская жизнь. 2004. 21 окт.
34. Клялись мы славой народа // Эвенкийская жизнь. 2002. 11 июля.
35. Когда перемены казались короткими // Эвенкийская жизнь. 2002. 11 июля.
36. Военное детство // Эвенкийская жизнь. 2012. 4 мая. № 17.
37. История эвенкийской культуры // Эвенкийская жизнь. 2010. 18 нояб.
38. Храм живых печатных слов: вехи истории // Эвенкийская жизнь. 2012. 3 авг.